

ПРИВАТНОЕ: (НЕ)ВИДИМОЕ ПУБЛИЧНОЕ

6

Глория Стайнем — одна из лидерок американского феминизма, писательница, журналистка и политическая активистка — в 1972 г. написала эссе «Мэрилин Монро: женщина, которая умерла слишком рано»¹. Оно было написано на смерть актрисы и женщины, которая, казалось бы, воплощала в себе все, что претит феминисткам. Но эссе не было осуждающим. Совсем наоборот, оно было пронизано печалью о том, как сложилась жизнь Монро, нежностью к ней как к человеку, сожалением о том, что никто не смог ей помочь в ее бесконечном одиночестве человека, из которого сделали предмет. Сама Монро говорила, что актриса — это не машина, но к ней относятся так, как будто она машина, машина по производству денег. Монро писала, что она хочет быть актрисой, а не причудливой эротической зверушкой, продаваемой как «киношный афродизиак».

Стайнем не идеализирует Монро и не делает из нее мученицу. Она, скорее, пытается понять противоречия, которыми была пронизана жизнь Монро и отношение к ней. Стайнем размышляет о своих чувствах отвращения к женщине/актрисе, которая позволяет сделать себя такой болезненно ранимой на экране. Затем она рассказывает о той Монро, которую она знала в жизни — страстно желающей стать хорошей актрисой, скромной в работе и собственной оценке, но никогда никем не воспринимаемой всерьез. Это портрет совсем другой женщины — женщины, о которой Элла Фицджеральд говорила: *«Она была необычной женщиной — немного впереди своего*

1 G. Steinem. Woman Who Died Too Soon // G. Steinem. *Outrageous acts and everyday rebellions*. London, 1995. Pp. 255–261.

времени»². Ее парадокс в том, что слишком много людей, которые никогда ее не знали, проникались ее жизнью, ее одиночеством и ее смертью.

В 1986 г. Стайнем написала еще один текст, посвященный Мэрилин Монро — «Женщина, которая никогда не умрет»³. В нем она пытается осмыслить тот факт, что почти 15 лет после смерти актрисы визуальные образы Монро не только «все еще вокруг нас», но и активно эксплуатируются различными индустриями, особенно индустрией моды, красоты и развлечений. Иными словами, Мэрилин продается. Продается как миф о красоте и женственности, как воплощение сексуальности и желанности. Спустя еще 11 лет Стайнем концептуализирует и развивает свои наблюдения в совместной (с Джорджем Баррисом) книге «Мэрилин»⁴. Целью проекта было увидеть жизнь отдельной женщины как одно целое с тем социальным, экономическим, политическим и гендерным порядком, в который она включена. Глорию Стайнем интересовало, каким образом и под воздействием каких факторов девочка Норма Джин стала женщиной Мэрилин Монро, которая в свою очередь была трансформирована в неумирающую фантазию.

Норма Джин / Мэрилин Монро — яркий пример того, как личность и ее приватная жизнь постоянно включены и во многом определяются дискурсивными и структурными расстановками в публичном пространстве. Сама Монро, похоже, задавалась схожими вопросами о себе как приватном индивидуе, своей жизни, своих желаниях и стремлениях и том, какие ограничения на них накладываются публичным мнением, ожиданием и желанием. Это сложные вопросы для любого человека, но для женщин, живущих в мире мужских фантазий, они сложны вдвойне. И Монро проживала это на себе каждый день. Вот некоторые ее высказывания:

Если я играю глупую девчонку, которая задает глупые вопросы, я должна следовать этой роли до конца. Что, предполагается, я буду при этом делать? Выглядеть умной?⁵

2 G. Steinem. *Outrageous acts and everyday rebellions*. London, 1995. P. 238.

3 G. Steinem. The Woman Who Will Not Die. *PBS*. 19.07.2006. www.pbs.org/wnet/american-masters/episodes/marilyn-monroe/still-life/61/ (посещение 12.04.14).

4 G. Steinem. *Marilyn: Norma Jeane*. New York, 2013.

5 P. Munier. *On Being Blonde: Wit and Wisdom from the World's Most Infamous Blondes*. Minneapolis, 2004. P. 55.

Все только смеются надо мной. Я ненавижу это. Большая грудь, большой зад, тоже мне большое дело. Разве я не могу быть чем-то другим? Ну, на самом деле! Как долго ты можешь быть сексуальной?⁶

Люди привыкли смотреть на меня как будто я — зеркало, а не человек. Они не видят меня, они видят свои собственные похотливые мысли. А потом они обеляют себя тем, что называют меня похотливой.⁷

Как женщина я — несостоятельна. Мои мужчины ожидают от меня так много из-за того, что они — и я сама — сделали из меня секс-символ.⁸

Мэрилин Монро, страстную поклонницу книг, чья библиотека насчитывала более 400 томов на момент ее смерти⁹, часто фотографировали с книгами. В коллективной памяти же она зафиксирована с юбкой, поднятой ветром, и поющей с придыханием признание в любви президенту. Коммерциализированное публичное заявило о своих правах на частную жизнь женщины, чей мифологизированный гендерный образ оказался весьма выгодным для патриархатной идеологии общества потребления.

8 *«Я знала, что я принадлежу публике и миру. Не потому что я талантливая или даже красивая, а потому что я никогда не принадлежала никому и ничему», — писала Монро в своей неоконченной биографии¹⁰. Это слова человека, который знает, как невидимое публичное структурирует, определяет и ограничивает частное, но надеется, что если найти место, в котором любят и принимают тебя такой, какая ты есть, это может оградить от всепронизывающего публичного запроса на воспроизведение определенной социальной роли.*

6 J. Johnson Lewis. Marilyn Monroe Quotes on Love, Marriage and Sex. *About.com*. [No publication date indicated.] www.womenshistory.about.com/cs/quotes/a/marilyn_monroe_2.htm (посещение 12.04.14).

7 P. Munier. *Op. Cit.* P. 54.

8 J. Meyers. *The Genius and the Goddess: Arthur Miller and Marilyn Monroe*. Champaign, IL, 2009. P. 63.

9 M. Popova. Marilyn Monroe's. Unpublished Poems: The Complex Private Person Behind the Public Persona. *Brain Pickings*. 27.07.2012. www.brainpickings.org/index.php/2012/07/27/marilyn-monroe-fragments-poems (посещение 12.04.14).

10 G. Steinem. *The Woman Who Will Not Die...*

В этом выпуске альманаха «Женщины в политике: новые подходы к политическому» мы продолжаем ранее начатую тему *приватного/публичного* и, отталкиваясь от личной истории Мэрилин Монро, хотим задуматься о (не)видимом вмешательстве публичного в пространство приватного.

Часть исследователей видит приватную сферу как интимное пространство дома и семьи, которое концентрируется в большей степени на индивиде, а не на обществе в целом. Предполагается, что это приватное пространство сокрыто от посторонних глаз и избавлено от правительственного вмешательства. Однако материалы, вошедшие в этот выпуск альманаха, показывают, что это не совсем так — идентичность, сексуальность, сексуальная ориентация, повседневность и гендерная (само)репрезентация в домашнем пространстве также в значительной степени регулируются государством, правом и общественным мнением¹¹.

В этом выпуске мы решили сфокусироваться на стороне «приватного» и разобраться в том, насколько понятие «приватного» вообще возможно, если даже самые интимные аспекты частной жизни регулируются публичным дискурсом и внешними практиками. Дело не только в том, как мы разделяем понятия и сферы приватного и публичного, а в том, какие аспекты жизни и деятельности мы *видим* в том или ином качестве. Что мы относим к сфере *публичного*, а что мы считаем *приватным*, является крайне важным, поскольку от этого разделения зависит, что мы считаем политическим, и в определении чего мы — как политические субъекты — можем участвовать. В свою очередь, это переводит личное несогласие с чьим-то образом жизни в регистр политического диалога, который ведется по другим правилам и должен основываться на принципах конституционности, прав человека, плюрализма мнений и толерантности.

Четвертый номер альманаха «Приватное: (не)видимое публичное» предлагает обсудить, как сконструировано гендерное приватное и каким образом на нем сказывается контроль публичного. Для этого мы приводим разные, но взаимосвязанные материалы, такие как анализ гендерно-

¹¹ См., например: A. Phillips. *Feminism, Equality and Difference* // L. McDowell, R. Pringle (Eds.). *Defining Women: Social Institution and Gender Divisions*. Cambridge, 1996. P. 214.

ориентированных государственных инициатив (от новых законопроектов до устоявшихся «народных» праздников, как, например, «День 8-е Марта»), а также тексты, раскрывающие специфику конструирования различных идентичностей в условиях патриархатного гендерного порядка (от рефлексирующего интервью женщины-композитора, работающей в мужской профессии, до ретроспективного обзора женской моды в 1970-х гг. — времени, когда формирование дефицита товаров «индустрии красоты» подталкивало жительниц СССР к поиску альтернативных путей для выражения своего статуса, пола и класса посредством одежды, причёски и макияжа).

Второй смысловой блок посвящен маргинализации частного в публичном дискурсе и замалчиванию идентичностей и социальных практик, не вписывающихся в гетеронормативную матрицу патриархатного постсоветского общества. Этот блок также затрагивает проблемы невидимого насилия, с которым повседневно сталкиваются представители и представительницы неконвенциональных гендерных идентичностей, а также те, кто не вписывается в «традиционные» гендерные представления.

Евгения Иванова и Александр Першай,
редакторы альманаха